К О М А Р О В С К И Х Г.

ЖЕНЩИНА В ПАТРИАРХАЛЬНОЙ
СЕМЬЕ

Вятка, 1895.

Г. Комаровских

Дозволено цензурою. 16 октября 1895 года.

ЖЕНЩИНА
ВЪ ПАТРІАРХАЛЬНОЙ СЕМЬѢ.

(На основаніи игрищенскихъ пѣсенъ Орловскаго уѣзда).

Передъ нами цѣлый рядъ такъ называемыхъ игрищенскихъ пѣсенъ, относящихся къ тому далекому прошлому, когда русская семья была образцомъ патріархальной строгости и находилась подъ полною властью домовладыки, этого „игумена" и „господаря," имѣвшаго неограниченную власть надъ своею семьею.

Безотрадна была семья эта. Темная, глубоко невѣжественная, суевѣрная, предоставленная нерѣдко произволу не менѣе грубаго и невѣжественнаго главы семейства, сплошь и рядомъ отъявленнаго тирана, она цѣлые вѣка страдала въ дымныхъ, грязныхъ избахъ, задыхаясь отъ всевозможныхъ испареній и удушливаго чада лучины въ долгіе зимніе вечера. Молодость, сдав-

ленная семейнымъ гнетомъ, коверкавшимъ все лучшее и доброе въ человѣкѣ, проходила вдали безпечнаго веселія, смѣха и невинныхъ забавъ, каковы игрища и хороводы. Пѣсни и пляска, когда-то бывшія обычнымъ праздничнымъ увеселеніемъ славянской молодежи, стали считаться дѣломъ мерзкимъ, сатанинскимъ, и всякое собраніе съ этой цѣлью, какъ сборище дьяволовъ, наводило ужасъ на суровыхъ домовладыкъ и патріархальныхъ отцовъ семействъ.

Но, кажется, всего хуже въ крестьянской семьѣ было положеніе женщины, страдавшей и въ дѣвичествѣ, и замужемъ... Эти вѣковыя страданья она, какъ сумѣла, просто и безхитростно выразила въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя называются игрищенскими, являющимися живыми думами и признаніями ея безъисходныхъ страданій.

— —

„Игрищенскія пѣсни“ поются молодежью исключительно на игрищахъ, о которыхъ еще первый нашъ лѣтописецъ говоритъ: „Радимичи, Вятичи, Сѣверяне.... сходились между селами на игрища, на плясанья и на всѣ бѣсонскія игрища и тутъ умыкали себѣ женъ, съ которою кто сговаривался“. [1]) Цѣль этихъ сборищъ, какъ видно, была—да и теперь отчасти есть—выборъ невѣстъ молодыми парнями, почему и самыя пѣ-

[1]) Памят. старин. русск. литературы, изд. Костомарова, т. I стр. 29.

сни, распѣваемыя здѣсь, главнымъ предметомъ имѣютъ замужество: свекра, свекровь, мужа, деверей и золовокъ, и очень живо рисуютъ патріархальную семью въ нравственномъ отношеніи. Цѣлый рядъ этихъ пѣсенъ вполнѣ подтверждаетъ историческія данныя о мрачномъ положеніи русской женщины въ семьѣ, тяготѣвшей подъ полнымъ произволомъ домовладыки, сплошь и рядомъ превосходившаго въ своихъ обращеніяхъ съ младшими членами семьи даже самые „наказы" „домостроя".

Какъ и въ „наказахъ"—въ пѣсняхъ власть родительская неумолима и неограниченна. Выборъ жениха для молодой дѣвушки всецѣло зависѣлъ отъ „родного батюшки", старавшагося прежде всего выбирать для дочери не личныя достоинства жениха, а его матеріальное положеніе—богатство въ домѣ будущаго зятя. Понятно, что при такихъ условіяхъ чувство дѣвушки не имѣло никакого значенія, да она и сама боялась слѣдовать влеченію своего сердца, а смиренно полагалась на волю родителей. Бракъ по любви, безъ „батюшкинаго повелѣнія", для нея былъ немыслимъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ первая игрищенская пѣсня.

На улочкѣ дождикъ накрапаетъ.
На игрищѣ дѣвокъ прибываетъ.
Скачите-ка, дѣвушки, пляшите.
На насъ, холостыя, не глядите:

Глядѣньицемъ дѣвушку не взяти;
Взяти, не взяти полюбовно:
По батюшкиному повелѣнью,
По матушкину благословенью.

„Глядѣньицемъ дѣвушку не взяти", т. е. сколько-бы не нравились одинъ другому парень и дѣвушка, они не могли сами собой вступить въ бракъ, а вступить или не вступить—„взяти, не взяти полюбовно"—могли лишь по соглашенію на то родителей и по ихъ „повелѣнію" и „благословенью".

При неимѣніи права голоса въ выборѣ себѣ жениха, какъ мы сказали, зависѣвшемъ исключительно отъ усмотрѣнія родителей, дѣвушка очень часто до сговора не знала ни своего будущаго „господина", ни его родителей, ни состоянія ихъ. Даже отецъ ея, хотя и былъ единственнымъ вершителемъ судьбы своей дочери, нерѣдко не зналъ ничего этого о своемъ будущемъ зятѣ. И сватовство, какъ простая коммерческая сдѣлка, всегда основывалось на сговорѣ свахъ и сватовъ. Такъ какъ каждое сватовство для свата или свахи соединено было съ извѣстными, иногда довольно значительными выгодами—подарками и угощеніемъ со стороны жениха и невѣсты, то вскорѣ любителей устройства браковъ развелось многое множество, образовался цѣлый разрядъ особыхъ спеціалистокъ—свахъ, далеко не безъ успѣха промышлявшихъ своимъ

ремесломъ. Кромѣ этихъ присяжныхъ любительницъ сватовства, за послѣднее брались каждый мужчина и каждая женщина, если только была гдѣ нибудь извѣстна имъ дѣвушка—родственница, или знакомая. Одной изъ главныхъ причинъ, способствовавшихъ такому широкому развитію сватовства въ брачномъ дѣлѣ, являлась и традиціонная опека надъ невѣстой и женихомъ, требовавшая при каждомъ сватовствѣ непремѣннаго присутствія льстивыхъ, заискивающихъ посредниковъ. Сваха, успѣшнѣй другихъ умѣвщая вести сватовство, пользовалась какъ отъ взрослыхъ дѣвушекъ, такъ и отъ ихъ родителей, почетомъ и уваженіемъ. Въ такихъ семействахъ она участвовала во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ и попойкахъ, какъ-то: крестинахъ, имянинахъ и проч.; при этомъ дѣвушка непремѣнно старалась снискать себѣ расположеніе такой свахи, показать себя съ самой выгодной стороны и при случаѣ умѣла хвастнуть своимъ рукодѣльемъ, платьемъ, приданымъ и проч.

Устраивая бракъ, ловкая сваха мало заботилась о послѣдствіяхъ своего сватовства, а почти всегда имѣла въ виду одни свои расчеты --подарки и угощенье, которые обильнѣй сыпались ей лишь при успѣшномъ ходѣ дѣла. Вотъ почему въ случаѣ неуспѣха пускались ею въ ходъ вся опытность, краснорѣчіе, хвастовство и лесть, чтобы добиться затѣянной свадьбы. Слѣд-

ствіемъ этого обманы и мошенничества со стороны жениха и невѣсты были самымъ обычнымъ явленіемъ въ устройствѣ брака. Если сватъ или сватья почему либо были болѣе расположены къ одной брачущейся сторонѣ, то другая навѣрно рисковала попасть въ неожиданный просакъ, неустранимый для новобрачныхъ во всю послѣдующую жизнь. Ловкій сватъ зачастую могъ сбыть невѣсту даже съ наружными физическими недостатками, какъ извѣстно болѣе всего избѣгаемыми въ простомъ народѣ. При хромотѣ невѣсты, во время смотринъ подбирался соотвѣтствующій башмакъ съ подкладкою подъ пяту ноги; глухота обходилась условными знаками—маяченіемъ и разными намеками; лицо дѣвушки, чтобы придать ему видъ желательной красоты, натиралось красками, румянами и проч. Но если невѣста не удовлетворяла своей внѣшностью уже и самому неприхотливому требованію вкуса, а отецъ желалъ непремѣнно сбыть ее со своихъ рукъ, то въ такихъ случаяхъ, во время смотринъ, сговора и дѣвичника прибѣгали къ подставнымъ невѣстамъ, т. е. показывали другую дѣвушку, иногда становили къ жениху до вѣнца даже замужнихъ красавицъ,—и только передъ вѣнцомъ, съ пріѣздомъ жениха къ невѣстѣ въ свадебномъ поѣздѣ открывался этотъ мошенническій обманъ, т. е. когда сдѣланы уже всѣ затраты, выполнены формальности и обратный шагъ безъ срама и,

быть можетъ, значительныхъ денежныхъ расходовъ для жениха, былъ немыслимъ никоимъ образомъ.

Но если настолько безцеремонно поступали родители невѣсты, сбывая ее со своихъ рукъ при помощи подкупленныхъ свахъ, то со стороны родителей жениха тоже было не менѣе изобрѣтательности на полученіе согласія въ замужество понравившейся имъ невѣсты. Отецъ послѣдней, располагавшій судьбою дочери, силою и рядомъ не имѣлъ возможности знать лично ни жениха, ни состоянія его родителей, и принужденъ былъ полагаться на совѣты извѣстныхъ ему людей, въ томъ числѣ и на подкупленнаго женихомъ свата. Сватъ же или сваха, быть можетъ, изъ одной лишь любви къ искусству старались всѣми силами расположить такого отца невѣсты въ пользу жениха и, зная общія требованія родителей невѣстъ, искавшихъ для дочерей прежде всего матеріальнаго благосостоянія въ будущемъ, выдавали все семейство жениха за людей состоятельныхъ, умныхъ и благонравныхъ. Отправляясь къ невѣстѣ, женихъ и его родители одѣвались въ самыя лучшія одежды, выбирали „добрыхъ" коней, хорошую сбрую и соотвѣтствующій экипажъ. Если у жениха ничего этого не имѣлось, прибѣгали къ посторонней помощи и все необходимое брали на прокатъ—за деньги, угощеніе или черезъ знакомство и дружбу. Самый послѣд-

ній бѣднякъ, разъѣзжая къ невѣстѣ, могъ показаться вполнѣ состоятельнымъ человѣкомъ.

Во время смотринъ и сговора у невѣсты женихъ игралъ чисто пассивную роль и часто дѣвушка до самаго вѣнца не слыхала отъ него порядочно сказанныхъ двухъ—трехъ словъ. Бойкость, развязность и участіе жениха въ разговорѣ считались даже не совсѣмъ приличными, такъ какъ изъ уваженія къ старшимъ и почтительности къ своимъ родителямъ, онъ долженъ былъ упорно молчать. Поэтому очень часто косноязычіе жениха, глухота и идіотизмъ проходили незамѣченными ни невѣстой, ни ея родителями. Но молчаніе жениха черезъ мѣру вознаграждалось хвастовствомъ его родителей и подкупленнаго ими свата или сватьи. О женихѣ отзывались какъ о самомъ добронравномъ почтительномъ юношѣ, припоминались всѣ его, быть можетъ, небывалые, хорошіе поступки съ родными и сосѣдями; выставляли на видъ его умъ, здоровье, ловкость, силу, способность къ наживѣ денегъ, къ скопидомству и проч., и проч. О его родителяхъ и ихъ семействѣ говорилось тоже какъ о самыхъ образцовыхъ домовладыкахъ и домочадцахъ, живущихъ въ полномъ довольствѣ, благосостояніи, въ мирѣ, послушаніи и завидномъ согласіи. Домъ и хозяйство выставлялись полною чашею: перечисляли всего скота, количество хлѣба и льна, гордились „добрыми конями“ и упряжью. Отецъ

невѣсты, хотя и зналъ по опыту хвастовство сватовъ, все же поддавался на соблазнительныя рѣчи свата, если допускалъ въ нихъ хотя бы незначительную долю правды, и зачастую попадалъ въ ловко раскинутыя ему сѣти. Обманъ въ зажиточности жениха обнаруживался большею частью уже во время свадьбы, когда пріѣзжали къ нему бѣдняки—поѣзжане и когда отказываться было зачастую уже слишкомъ поздно. Не даромъ коварная продажность свата заклеймлена во многихъ свадебныхъ пѣсняхъ, поющихся провожающими невѣсту во время ея усаживанія въ одинъ изъ экипажей поѣзда, отправляющагося къ вѣнцу изъ дома ея родителей. Вотъ одна изъ нихъ:

Пошла наша лебедушка
За чужого чужанина,
За инова землянина.
У чужого чуженина,
У инова землянина
Работа тяжелая:
Черны подчики прятати. [1])
У нихъ люди-то безжалостны
И боги-то немилостивы.
Сватали да хвастали,
Сказали, что кони добры,
Пріѣхали—ребра однѣ,
Сказали, что сани добры;

[1]) «Прятать подчику»—разработывать подъ посѣвъ хлѣба свѣжевыжженное мѣсто изъ подъ лѣса.

Добры, добры копылья одни.
Сватъ ты мой, сватушка,
Сатана ты лукавая!
Нашему сватушкѣ
Три чирья въ бороду,
Два метища-бы въ голову.

При такихъ условіяхъ бракъ сводился на простую куплю-продажу. Родители жениха, желая пріобрѣсть нравившуюся дѣвушку-невѣсту, платили за нее большія деньги. Чѣмъ красивѣе была дѣвушка, тѣмъ больше за нее просили денежнаго выкупа—„запроса". Дурныя дочери являлись для отца раззореніемъ; красивыя же дѣвушки, хотя и въ бѣдномъ житьѣ, были сущій кладъ для родителей. Въ дѣвушкѣ-невѣстѣ прежде всего цѣнилась красота, которая заключалась въ высокомъ ростѣ, полномъ румяномъ лицѣ, пропорціонально толстой фигурѣ, высокой мягкой груди, толстыхъ рукахъ и ногахъ, при чемъ румяныя блондинки предпочитались брюнеткамъ. Немировичъ-Данченко, при опредѣленіи красоты того времени (очевидно преувеличивая) говоритъ: „женщина красивая должна была вѣсить не менѣе семи пудовъ. Она вся состояла изъ какихъ-то окороковъ. Это было бѣлое сало и ничего больше. Тонкій станъ, маленькія руки и ноги являлись уродствомъ". Такъ или иначе, но, безъ сомнѣнія, и въ женщинѣ дородство и физическая сила стояли на первомъ

планѣ. Дѣвушка, подходившая подъ этотъ идеалъ красоты, въ какой бы ни взросла семьѣ, могла расчитывать на лучшее замужество. Одна игрищенская пѣсня говоритъ:

На улочкѣ дождикъ
Частенекъ, меленекъ,
Не ситечкомъ сѣетъ,
Ведромъ поливаетъ.
Братъ сестрицу держитъ,
На рукахъ качаетъ,
Сестрой величаетъ. [1])
Ты, сестра-сестрица,
Выусти большая,
Впоперекъ толстая,
Въ крылечкахъ [2]) статная.
Отдамъ тебя въ замужъ,
Въ большую деревню,
Въ согласную семью—
Ко свекру, свекровкѣ,
Къ деверю, золовкѣ...

Кромѣ физической силы и красоты, отъ молодой дѣвушки непремѣнно требовалось также рукодѣлье, ловкость во всякой работѣ, ласковая угодливость старшимъ и вѣжливое обращеніе со всѣми людьми. Рукодѣльная дѣвушка пользовалась хорошей славой и извѣстностью; къ ней приходили другія дѣвушки и молодыя замужнія

[1]) Т. е. называетъ.
[2]) Т. е. къ плечахъ.

женщины за совѣтами по части рукодѣлія; она показывала имъ, какъ что скроить, сшить, основать замысловатую ткань и проч. Напротивъ, и красивая дѣвушка, если она была не мастерица въ рукодѣльи, пользовалась очень плохой славой, которая, какъ быстрый заяцъ или горностай, широко разносилась въ народѣ. На эту славу дѣвушка такъ жалуется въ пѣснѣ:

Бѣжитъ зай, бѣжитъ зай, [3])
Бѣжитъ бѣлый горностай;
Онъ на тоненькихъ на ножкахъ,
Въ сафьяненькихъ сапожкахъ,
Несетъ небыль-небылицу
Про меня красну дѣвицу,
Будто я красна дѣвица
Шить и прясти не умѣю,
Шелкомъ шить не разумѣю.

Въ полевой работѣ дѣвушка также должна быть „ловка и сильна“, въ домашнемъ обиходѣ изобрѣтательна на всякую „порядню“ и „стряпню“, съ семейными ласкова, „вѣжлива“ и „совѣстлива“. Вотъ какую дѣвушку на игрищѣ выбираетъ себѣ въ подруги молодой парень, изображающій въ пѣснѣ голубя:

Голубь, ты, голубь,
Голубчикъ мой.
Ты куда, голубь, леталъ,
Куда Богъ тебя носилъ?

[3]) Заяцъ.

Я ко дѣвушкѣ леталъ,
Я—ко красненькой,
Коя лучше всѣхъ,
Коя вѣжливѣе,
Коя совѣстливѣе,
Рукодѣльнѣе,
Коя кланяется,
Унижается,—
Я ту люблю
За себя возьму—

Просватанная по „батюшкиному повелѣнію", молодая дѣвушка съ отчаяньемъ смотрѣла на свое будущее замужество, какъ на нѣчто роковое, неумолимое, совершающееся по непостижимой для нея власти и лишь въ одной молитвѣ „родного" батюшки о ея будущемъ счастьи находила нѣкоторое успокоеніе и надежду. Трогательнымъ находимъ мы въ одной пѣснѣ утѣшеніе сестрою сестры, очевидно проговоренной въ замужество и сокрушающейся передъ полной неизвѣстностью будущаго.

На морѣ двѣ ласточки,
На синемъ косаточки,
Пташки—бѣлогрудочки.
Палагея ласточка,
Марина касаточка;
Палагея плакала,
Маринушка тѣшила:
Не плачь, не плачь, сестрица,

Я батюшку видѣла:
Стоитъ во Божьей церкви,
Слезно Богу молится:
Пресвятая Госпожа.
Моему-то дитятку
Дай свекра смиренаго.
Свекровушку умную.
Деверя разумнаго.
Золовушку ласкову.

„Смирный свекоръ", „умная свекровушка" и проч.—вотъ единственныя желанія дѣвушки, въ осуществленіи которыхъ она видѣла все довольство и счастье своего будущаго положенія. Какъ скромны и безпритязательны пожеланія эти и вмѣстѣ съ тѣмъ важны и многозначущи для молодой женщины—пришелицы въ семьѣ! Отъ однѣхъ условій этихъ зависѣла вся судьба дѣвушки. даже ея честь, умъ, рукодѣлье. ловкость и расторопность въ работѣ. У любимой невѣстки все хорошо. у нелюбимой—все худо, плохо, все не по вкусу старшихъ: она и неряха. и лѣнивица, и бестолковая во всемъ селеніи. А мужъ? Мужъ былъ ничто, нуль: онъ смотрѣлъ на жену глазами старшихъ. Но если она хороша его роднымъ, то и ему хороша. Жена не могла быть милой для мужа. если она не мила его роднымъ.

На сколько страшнымъ казалось дѣвушкѣ „разставаніе" со своимъ дѣвичествомъ, красно-

рѣчивѣй всякихъ описаній говорятъ нѣкоторыя свадебныя пѣсни, въ которыхъ, прощаясь съ родными и подруженьками, она какъ бы упрекаетъ своего батюшку въ скорой отдачѣ замужъ и ужасается ожидающаго ее положенія, которое должно закабалить ее до гроба, быть можетъ, въ злой, немилой семьѣ. Когда провожаютъ рыдающую невѣсту къ вѣнцу изъ дома батюшки, то провожающія ее, высказывая ея завѣтныя думы, поютъ:

Спасибо тебѣ, батюшка,
Напилась я, наѣлася,
Въ честномъ мѣстѣ насидѣлася,
За столами настоялася,
За столами дубовыми,
За скатертями камчатными,
За ѣствами сахарными,
За питьями медвянными.
Надоѣла, напрокучила;
Не засѣкъ хлѣба выѣла,
Не колодецъ воды выпила,
Не лавочку просидѣла,
Не половочку протоптала,
У дверей пяту вытерла.
Хоть бы я годъ пожила,
Хоть бы я два пожила,
Ума—разума покопила,
Въ косѣ ленточекъ поносила.

Во время благословенія отцомъ дочери-невѣсты, отправляющейся къ вѣнцу и падающей ему въ ноги, подруженьки поютъ:

Не конь въ полѣ катается,
Не сѣрый валяется,
Катается, валяется.
(Имя и отчество невѣсты)
У батюшки въ ноженькахъ:
Она проситъ благословенья,
Благословенья великова:
Одного коня въ сто рублей,
Другова-то—въ тысячу,
Третьяго коня—смѣты нѣтъ.
Перваго коня выкупишь,
Другова коня выручишь,
Третьева коня выведешь,
А мою-то буйну голову
Не выкупишь, не выручишь.

При благословеньи дѣвушки ея отцомъ, послѣдній всегда въ видѣ приданаго, смотря по состоянію, давалъ дочери денегъ или часть имущества, коимъ и благословлялъ ее. Въ данномъ случаѣ, въ пѣсни, какъ благословенье идеальное, совершается щедрою наградою—тысячными конями. Невѣста-дѣвушка говоритъ отцу, что даръ его, на сколько-бы онъ цѣненъ ни былъ, всегда могъ быть пріобрѣтенъ имъ—„выкупленъ" и „выученъ"—впослѣдствіи, но дочь-дѣвушку, ея „буйну-голову", онъ терялъ навсегда и, ка-

кимъ бы огромнымъ богатствомъ ни обладалъ, уже безсиленъ былъ „выкупить" и „выручить" ее.

Патріархальный гнетъ на сколько ни тяжелъ былъ вообще для всѣхъ членовъ семьи, въ частности ложился во сто кратъ сильнѣе на молодую пришелицу въ семьѣ—невѣстку, естественно страдавшую отъ него болѣе всѣхъ и сильнѣе всѣхъ стремившуюся къ свободѣ, къ самостоятельности. Нерѣдко взросшая при совершенно иныхъ семейныхъ условіяхъ, усвоившая себѣ другія привычки и понятія, развившая совсѣмъ другой характеръ, въ общемъ носящій почти одинаковыя черты на всѣхъ членахъ данной семьи, она, вступая въ чужую семью, должна была зорко присматриваться ко всѣмъ особенностямъ характера новой семьи и поступать во всемъ именно такъ, какъ требуетъ таковой характеръ. Всякое уклоненіе отъ послѣдняго, какъ нарушеніе извѣстнаго семейнаго тона, влекло за собою замѣчанія, выговоры, упреки и всеобщую ненависть. Невѣстка не такъ, какъ принято въ семьѣ, ходитъ по избѣ, не такъ затворяетъ дверь (надо степеннѣй—тише или быстрѣе), не такъ держитъ себя за столомъ, не такъ молится Богу, или не такъ привѣтлива или слишкомъ болтлива съ чужимъ, постороннимъ человѣкомъ. Но только-ли одно это? Весь домашній обиходъ, полевыя работы и все, чѣмъ держится и существуетъ крестьянская семья, обрушивается на молодую не-

вѣстку и во всемъ этомъ въ первый годъ замужества она должна проходить нѣчто вродѣ экзамена подъ строгимъ присмотромъ свекрови, золовокъ и проч. И надо сознаться, дѣйствительно нѣкоторыя молодушки въ этомъ отношенiи не оставляютъ желать себѣ ничего лучшаго. Въ одномъ, лично извѣстномъ мнѣ, патрiархальномъ семействѣ не такъ давно взятыя двѣ невѣстки —снохи за двухъ, вмѣстѣ живущихъ, братьевъ, такъ утратили все собственное, принесенное ими въ замужество и слились съ новой семьей, что не только въ однихъ прiемахъ домашней работы, но и въ самой манерѣ разговора, жестахъ, интонацiяхъ голоса стали буквально такими же, какъ золовка (старая дѣва) и мужья. У послѣднихъ, напримѣръ, единственная во всей деревнѣ привычка, вмѣсто *да*, говорить „*какъ што*" и „*оното эдакъ*", эти слова въ настоящее время произносятся и невѣстками съ такой удивительно вѣрной интонацiей, что съиздали положительно нельзя разобрать, кто произноситъ ихъ: тотъ или другой братъ, золовка или одна изъ невѣстокъ, хотя послѣднiя и взросли среди другого крестьянскаго нарѣчiя. Но приведенный примѣръ, быть можетъ, есть счастливое исключенiе, ибо рѣдко бываютъ такiя податливыя натуры, изъ которыхъ свекрови и золовкамъ удалось бы „вымуштровать" во всемъ подобныхъ себѣ невѣстокъ. Невѣстка можетъ иногда и пре-

восходить свекровь и золовокъ въ аккуратности и домашнихъ работахъ, но если не съумѣетъ снискать расположенія ихъ „ласковыми словами" и „низкими поклонами", бываетъ немилой въ дому.

Что же касается положенія въ семьѣ мужа немилой невѣстки, то оно также непривлекательно и безотрадно, какъ безотрадно положеніе и самой невѣстки. Не говоря уже о той ложной роли, какую невольно приходилось ему брать на себя, находясь между двухъ враждебныхъ сторонъ, изъ которыхъ каждая старалась непремѣнно привлечь его къ себѣ и вооружить для противной стороны, онъ принужденъ былъ быть безмолвнымъ свидѣтелемъ всѣхъ придирокъ и несправедливостей къ его женѣ со стороны старшихъ и такъ усердно подражавшихъ въ томъ имъ младшихъ братьевъ и сестеръ, чувствовать наносимыя ей оскорбленія и страданія и не видѣть никакого выхода изъ этого безотраднаго положенія, кромѣ полнаго разрыва съ родной семьей. Но семейный разрывъ или раздѣлъ (не улучшившійся и нынѣ) сопряженъ былъ съ такими затрудненіями, недостатками и бѣдностью, что на него рѣшались самовольно только въ исключительныхъ случаяхъ и то энергичные молодые люди, знавшіе такъ или иначе изъ ничего устроить необходимое хозяйство, такъ какъ при самовольномъ раздѣлѣ въ большинствѣ случаевъ отецъ ничего не давалъ сыну изъ своего хозяй-

ства, кромѣ причитающагося ему душевого надѣла земли. Необходимо было по мѣрѣ возможности мириться со своимъ положеніемъ и по пословицѣ—„терпи казакъ, атаманомъ будешь"—терпѣливо дожидаться первенства въ семьѣ, утѣшая ожиданіемъ послѣдняго и страдавшую взаимно любимую жену. Именно такъ и поступало благоразумное большинство, изумляя терпѣніемъ и всевыносящей покорностью судьбѣ. Но нельзя сказать этого относительно нелюбимой старшими молодой невѣстки, менѣе всего способной безропотно переносить свою участь. Можетъ быть, неспособность эта и обусловливалась чисто женскимъ характеромъ, можетъ быть, и меньшимъ уваженіемъ къ свекру и свекрови, чѣмъ къ родному отцу и матери. Какъ бы то ни было, но ея жалобы на горькую долю и упреки виновнику этой доли—ея мужу—слышались при всякомъ удобномъ случаѣ и вооружали его противъ старшихъ въ семьѣ. Нерѣдко это вело къ открытой защитѣ любимой жены—непослушанію, ссорѣ и даже къ семейнымъ дракамъ. Но мужъ не всегда могъ защищать свою жену. Такъ, если первый почему либо имѣлъ больше уваженія къ родителямъ, чѣмъ любви къ женѣ, онъ становился на сторону старшихъ, не только не защищая жену, но нерѣдко самъ первый нападалъ на беззащитную женщину, во всемъ требуя отъ нее полной „снаровки" и рабскихъ услугъ свекру,

свекрови и золовкамъ. При такихъ условіяхъ слабохарактерная молодая невѣстка становилась робкой, безгласной рабой; энергичная же и сильная духомъ женщина не могла покоряться семейному произволу и, если не успѣла нажить дѣтей, покидала мужа и свекра, бѣжала къ своимъ роднымъ или предпочитала кормиться въ людяхъ своимъ трудомъ. Такіе побѣги не рѣдки были и въ патріархальныхъ семьяхъ.

Но и при полной безгласности рабства невѣстка никогда не могла помириться со своимъ положеніемъ и въ глубинѣ души навсегда оставалась ненавистницей семейнаго деспотизма, заклеймивъ названіемъ злодѣевъ своихъ тирановъ: свекра, свекровь, деверей и золовокъ. Одна игрищенская пѣсня гласитъ:

Какъ за ельничкомъ, за березничкомъ,
За чистымъ, мелкимъ за чапыжничкомъ. [1]
Ой-дидъ, ой-дидъ, ой-ладо мое!
Тамъ не гуси гогочутъ, не зай говоритъ,
Тамъ дѣвушки играютъ на игрищѣ—на совѣтинцѣ.
Ой-дидъ, ой-дидъ, ой-ладо мое!
А и мнѣ, молодѣ, похотѣлось идти,
Похотѣлось идти, поизволилося.
Ой-дидъ, ой-дидъ, ой-ладо мое!
Меня свекоръ—злодѣй да не отпустилъ.

[1] Мелкая лѣсная поросль разныхъ породъ.

А я свекру-злодѣю бѣду приведу, бѣду
матерую.
Ой-дидъ, ой-дидъ, ой-ладо мое!
Я воровъ приведу, всѣхъ коровъ уведу,
Ой-дидъ, ой-дидъ, ой-ладо мое!

Пѣсня эта поется четыре раза: для свекра, свекрови, золовокъ и деверей. Окончаніе пѣсни бываетъ разное, смотря по тому, для кого поется: если—для свекрови, оканчивается также:

„Я воровъ приведу, всѣхъ коровъ уведу".

Для деверей: „Я солдатство доспѣю, ихъ въ
солдаты отдамъ".

Для золовки: „Я сватовъ приведу, ее въ замужъ отдамъ".

Долгіе зимніе вечера, съ прялкой и разнымъ рукодѣліемъ однообразны и утомительны для молодой женщины, нерѣдко изнывающей въ отсутствіи мужа одинокою въ немилой семьѣ. Полная жизни, молодости и, быть можетъ, страстныхъ неудовлетворенныхъ желаній, она естественно жаждетъ, если и не удовлетворенія всего этого, то, по крайней мѣрѣ, отдыха и забвенія отъ семейныхъ дрязгъ и однообразно утомительнаго труда. Гдѣ же и искать ей этого забвенія, какъ не на игрищѣ—на совѣтищѣ, въ дорогомъ и миломъ для нея кругу бывшихъ подругъ—дѣвушекъ и молодушекъ, играющихъ тамъ со всей безпечностью счастливаго дѣвичества? И вотъ въ рождественскій вечеръ, сидя за скучной прял-

кой и вслушиваясь въ звонкіе уличные голоса молодежи, окликающей ее на игрище, у ней разгорается желаніе побывать съ ними на этомъ игрищѣ или, какъ говоритъ пѣсня: „похотѣлось идти, поизволилося“. Но какъ бы само по себѣ ни просто выполненіе этого желанія, оно неизбѣжно разбивалось о суровый отказъ и ворчливость свекра, свекрови, золовокъ и деверей. Хотя послѣдніе (золовки и деверья) сами, можетъ быть, и шли первыми, но невѣсткѣ, безъ мужа, посѣщать игрища и сталкиваться тамъ съ холостыми парнями неприлично и непозволительно. И вотъ „свекоръ-злодѣй да не отпустилъ“. Оскорбленная и униженная ни на чемъ фактически не основаннымъ отказомъ, она въ тайнѣ отъ всѣхъ рѣшается на месть своимъ семейнымъ „злодѣямъ“: для свекра и свекрови она выбираетъ воровство, чтобы увесть у нихъ коней и коровъ, для золовки—„я сватовъ приведу, ее въ замужъ отдамъ“, а для деверьевъ—„я солдатство доспѣю, ихъ въ солдаты отдамъ“. Воровство и приводъ сватовъ, какъ месть, легко могли быть выполнены ею, но послѣднее отдача деверьевъ въ солдаты—на первый взглядъ кажется рѣшительно не выполнимо, какъ месть, для простой женщины, лишенной возможности вмѣшиваться въ какія-бы то ни было дѣла мѣстной администраціи, руководившей пріемомъ рекрутъ на службу. Но вникая глубже въ общественныя

дореформенныя условія, когда „государственный крестьянинъ" находился въ рукахъ волостныхъ старшинъ, головъ и писарей, нерѣдко ставившихъ рекрутовъ съ волости по своему усмотрѣнію, мы не найдемъ удивительнымъ, если простая женщина—красавица, мстя деверьямъ-злодѣямъ, могла добиться, хотя бы даже цѣною собственнаго позора, сдачи въ рекруты ненавистнаго ей семьянина. Дѣйствительно, случаи такого рода имѣли мѣсто въ тогдашней семьѣ.

Эта месть нелюбимой молодой невѣстки простиралась не только на старшихъ въ семьѣ: на свекра, свекровь и проч., но даже и на мужа, если онъ держался тѣхъ же взглядовъ въ обращеніи съ своей женой. Не даромъ говорится въ пѣснѣ:

Не по улочкѣ воробышекъ попархиваетъ,
Въ подворотенку воробышекъ заглядываетъ.
Ой-дидъ, ой-дидъ, ой-ладо мое.
Дѣвушекъ, молодушекъ на игрище зоветъ:
Подьте, дѣвки, къ намъ, молодушки, къ намъ!
Ой-дидъ, ой-дидъ, ой-ладо мое.
Красны дѣвки говорятъ:
Намъ своя воля гулять.
Ой-дидъ, ой-дидъ, ой-ладо мое.
Молодушки говорятъ:
Мужевья намъ не велятъ.
Ой-дидъ, ой-дидъ, ой-ладо мое,
Шелковы плети сулятъ, семихвосточки.

По семи хвостовъ, по семи узловъ.
Ой-дидъ, ой-дидъ, ой-ладо мое.
Первый узель разстегнется—семь рубцовъ,
Другой-ётъ разстегнется—четырнадцать!
Ой-дидъ, ой-дидъ, ой-ладо мое.
Со побоевъ три недѣльки я лежала,
Хлѣба-соли не ѣдала.
Ой-дидъ и проч.
На четвертую недѣльку позавтракала,
Я не много съѣла: быка третьяка,
Телицу-годовицу, овцу яловицу,
Семьдесятъ гусей, девяносто лебедей.

Эта месть, въ видѣ растраты хозяйственнаго благосостоянія со стороны молодой женщины, могла выражаться въ ея активномъ дѣйствіи, какъ, напримѣръ, въ хищеніи, тайной растратѣ и, наконецъ, въ отравленіи лучшихъ особей домашняго скота, но таковая месть со стороны жены могла быть и невольной, когда, напримѣръ, мужъ принужденъ былъ обращаться къ знахарямъ и тратить на излѣченіе имъ же убитой жены свое благосостояніе. Но такъ или иначе, но мужъ, тираня и истязуя свою жену, вмѣстѣ съ тѣмъ тиранилъ, истязалъ и убивалъ и самого себя въ своемъ благосостояніи.

Причины же общаго семейнаго антагонизма и въ частности причины скрытой ненависти и злобы къ молодой женщинѣ какъ со стороны мужа, такъ и со стороны его родныхъ, заклю-

чались въ преслѣдованіи ими своихъ идеаловъ. Всякій гнѣвъ и ненависть человѣка противъ его ближняго имѣютъ своимъ источникомъ сознаніе собственнаго безсилія въ осуществленіи его идеала. А такъ какъ идеаломъ патріархальнаго домовладыки, кромѣ наиглавнѣйшаго идеала „наказовъ“ домостроя, могло быть множество личныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ каждымъ семьяниномъ, то молодая пришелица въ семьѣ только тогда могла быть любима всѣми, когда она удовлетворяла идеалу каждаго члена новой семьи. Но такъ какъ это не только невозможно было во времена домостроя, но даже немыслимо и въ настоящее время не въ одной только крестьянской семьѣ, то естественно, что невѣстка не могла быть любима всѣми. Ужъ если нынѣ и въ средѣ интеллигенціи нерѣдко молодая женщина бываетъ лишь терпима своимъ мужемъ, терпима только до встрѣчи съ болѣе совершенной женщиной, то что сказать о крестьянской молодушкѣ, въ которой каждый членъ семьи хотѣлъ видѣть свой идеалъ: мужъ требовалъ идеала жены, свекоръ и свекровь—идеала жены сына и дочери, деверья и золовки—идеала невѣстки-снохи! Никогда ни въ какой крестьянской семьѣ даже въ будущемъ не можетъ быть ни солидарности, ни полнаго согласія, если не будетъ въ ней полнѣйшей гармоніи идеаловъ; а такъ какъ идеалъ человѣка, какъ и его познаніе, создаю-

щее идеалы, условно и субъективно, то и равенства въ идеалахъ или гармоніи идеаловъ не можетъ быть ни въ одной семьѣ. Всегда и вездѣ было, есть и будетъ добро и зло, совершенное и несовершенное, идеальное и реальное. Жизнь есть притяженіе и отталкиваніе или отвращеніе и любовь. Что молодая женщина могла любить, то другіе могли ненавидѣть и презирать. Она могла сильнѣе чувствовать, сильнѣй ненавидѣть и любить; другіе могли быть ограниченнѣй въ своихъ чувствованіяхъ и могли требовать отъ нее такихъ же ограниченныхъ чувствованій и т. д., и т. д.

Живя въ постылой семьѣ свекра и вспоминая свои былыя удовольствія въ семьѣ родного батюшки, молодая женщина не могла не жалѣть всего утраченнаго ею, ибо на сколько бы ни былъ добръ и ласковъ къ ней свекоръ, онъ никогда не могъ замѣнить ей „родного батюшку". Въ пѣснѣ говорится:

Не сыграть гуслямъ
Противъ пѣсенокъ,
Не бывать свекру
Противъ батюшки.

Но не всегда же не удавалось невѣсткѣ выходить изъ дома къ подруженькамъ и на игрища,—въ счастливую минуту она ускользала отъ домашнихъ и тогда уже спѣшила вознаградить себя за все и тѣшилась въ волю.

Ѣхали кораблики
Малыми улками,
Переулками,
Узкими воротцами,
Подворотнею.
Ужъ вы, люди,
Вы, сосѣди,
Разступитеся,
Распятитеся,
Я же, молодешенька,
Расхожуся,
Распляшуся
У люта свекра,
У свекровя,
У чепливыя,
У сварливыя
У золовки.

Очевидно, что такъ же трудно было молодой женщинѣ побывать на игрищѣ, какъ проѣхать кораблю „малыми улками, переулками, узкими воротцами, подворотнею".

Однимъ изъ самыхъ нехорошихъ явленій патріархальной семьи, основанной на единовластіи свекра, является также снохачество тайно существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и понынѣ. Несомнѣнно, что возникновеніе снохачества имѣетъ такую же далекую старину, какъ далеко начало и самой патріархальной семьи, теряющееся отъ насъ въ глубокой

древности, о чемъ мы находимъ указанія въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ. Послѣднія какъ на одну изъ главныхъ причинъ снохачества указываютъ на имѣвшій мѣсто обычай женить сыновей въ чрезвычайно раннемъ возрастѣ, начиная съ 10—12 лѣтъ. Женитьба въ такихъ лѣтахъ вызывалась чисто практическими соображеніями родителей—необходимостью имѣть въ хозяйствѣ хорошую работницу. Лишь только мальчику исполнялся надлежащій возрастъ, отецъ и мать, сообразуясь съ хозяйственными требованіями, выбирали подходящую невѣсту и играли свадьбу. Даже и въ настоящее время на крайнемъ сѣверѣ, среди раскольниковъ, не рѣдкость такіе браки. Женатый мальчикъ видѣлъ въ своей подругѣ жизни не болѣе какъ няньку, которая одѣвала, холила его и старалась нѣжной лаской, пряниками и любимыми кушаньями привлечь къ себѣ долго дичившагося ея мальчика—мужа и уложить его съ собою спать въ постель: за капризы и шалости била его и вообще обходилась какъ съ мальчишкой. Нечего и говорить, что въ подобныхъ неестественныхъ союзахъ, кромѣ грустнаго, было много нелѣпаго и смѣшного. По старымъ патріархальнымъ традиціямъ, женихъ-мальчикъ, какъ и взрослый, научаемый старшими, въ первый день свадьбы „на подклѣти", при раздѣваніи, непремѣнно долженъ былъ „ломаться", т. е. кичиться

своей властью надъ молодой, хотя бы и вдвое старше его, женой: заставлять разувать себя, хлестать ее плеткой и проч. „Ломаніе“ это неопытнымъ мальчикомъ понималось иногда буквально и, вмѣсто того чтобы, кичась надъ нею, предъявлять ей обычныя права власти жениха-мужа (разуваніе, плетку и проч.), онъ дѣйствительно ломался, какъ гимнастъ, черезъ скамейку, столы и лавку, приводя въ изумленіе молодую жену, которая въ недоумѣніи спрашивала его „что съ тобой! что такое?“ На что вспотѣвшій мальчикъ самоувѣренно отвѣчалъ заученными фразами: „Вотъ тебѣ мужъ—твоя голова, а вотъ твоя воля—шелковая плетка!“ Если невѣста понимала въ чемъ дѣло, отъ души хохотала надъ наивнымъ мальчикомъ; въ противномъ случаѣ призывались родители, и дѣло разъяснялось къ общимъ шуткамъ и удовольствію.

Сознаніе физической слабости женатаго мальчика передъ молодой женой и жалобы на эту слабость, лишавшую его обычной власти надъ женой, привыкавшей по своему усмотрѣнію помыкать имъ во всемъ и вездѣ, выказывать свое превосходство въ возрастѣ,—мы находимъ уже и въ указаніяхъ нѣкоторыхъ рождественскихъ пѣсенъ. Такъ въ одной изъ нихъ выражается жалоба передъ матерью „малымъ мужемъ“, вернувшимся изъ „пиръ-бесѣды“.

Къ родной матушкѣ съ жалобами:
Ахъ ты, матушка порождена,
На что на горе породила—
Меня малого поженила,
Неразумную жену взяла?
Меня женушка подборола,
На мнѣ синь кафтанъ распорола.
Черну шляпоньку въ грязь втоптала.

Само собою разумѣется, что молодая женщина, очутившаяся за такимъ, ни въ чемъ не соотвѣтствующимъ ей, мальчикомъ-мужемъ, никогда не могла любить его супружески и откровенно сознается въ этомъ въ слѣдующей пѣсни, говорящей между прочимъ:

Я малова не любила,
По чисту полю водила,
Осотой—травой кормила,
Ополосками поила.

Хотя пряники и сласти даваемые мальчику очевидно были лишь въ началѣ супружеской жизни, когда „малый мужъ“, въ угоду его роднымъ, укладывался ею спать въ свою постель, но какъ только надобность угождать старшимъ миновала, мальчикъ-мужъ предоставлялся самому себѣ и находился въ пренебреженіи. Да и, по всей вѣроятности, молодая женщина еще до замужества была предубѣждена противъ брака съ „малымъ мужемъ“ и, если и выходила въ замужъ, то скорѣй всего по какому нибудь расчету, такъ

какъ подобные союзы въ глазахъ дѣвушки считались не желательными—„не радостными“:

Во полѣ, полѣ растетъ бѣлый ленъ,
Середи бѣла льна зеленъ конопель;
На конопели сидитъ соловей.
Онъ пѣсенки поетъ все нерадостныя:
Быть тебѣ, дѣвка, быть тебѣ, красна,
За малымъ мужемъ.
Малъ на улку пойдетъ—
Все ребенки бьютъ.

Одиночество и ложное положеніе съ одной стороны, съ другой—молодость, сознаніе обмана въ надеждѣ на удовлетвореніе молодой, быть можетъ, сильной страстной натуры и жажда горячихъ, нѣжныхъ ласкъ вызывали въ молодой женщинѣ грусть, апатію и презрѣніе къ мужу, котораго еще „ребенки бьютъ“, а иногда—безъотчетное неудержимое желаніе, вопреки всѣмъ обычаямъ и приличіямъ, броситься къ кому нибудь въ страстныя, безумныя объятья и застыть въ нихъ хотя на мгновенье...

Но если на столько двусмысленно было положеніе очутившейся за мальчикомъ-мужемъ не испорченной нравственно молодой дѣвушки, то нечего и говорить о молодушкахъ, знававшихъ и до замужества не меньше замужней женщины. Въ большинствѣ же случаевъ у тѣхъ и другихъ супружеская жизнь пополнялась другимъ, побочнымъ мужемъ. Кто же могъ быть

этотъ другой мужъ? Крестьянская семья настолько замкнута въ себѣ и изолирована отъ другихъ семей, что державшему ее въ строгой власти свекру не трудно слѣдить за каждымъ шагомъ подозрительнаго члена семьи, а тѣмъ болѣе за приглянувшейся ему молодой невѣсткой, всѣ поступки и разговоры которой ему могли быть хорошо извѣстны черезъ маленькихъ семейныхъ шпіоновъ и болтливыхъ бабъ. Стало быть „любиться" съ постороннимъ человѣкомъ для молодой женщины было не совсѣмъ безопасно, такъ какъ она могла рисковать честнымъ именемъ и быть, пожалуй, со срамомъ выгнанной изъ дома свекра. Между тѣмъ молодой еще свекоръ, не очень стѣсняющійся нравственнымъ чувствомъ, въ тихомолку отъ своей нелюбимой жены (а чаще—вдовый), то шутками, то лаской, то подарками начиналъ преслѣдовать молодую невѣстку, отдавая ей во всемъ предпочтеніе въ случаѣ успѣха и безжалостно тираня при неуспѣхѣ. Невѣстка съ тревогой приглядывалась къ своему положенію, чувствовала искусно раскидываемыя сѣти. всячески лавировала между ними, но чѣмъ болѣе металась она, тѣмъ сильнѣй и сильнѣй запутывалась въ этихъ сѣтяхъ, пока не становилась покорной жертвой свекра. Въ какой бы тайнѣ не хранилась эта связь, она почти всегда угадывалась остальными членами семьи и вмѣстѣ съ тѣмъ становилась не безъизвѣстной

и для впечатлительнаго возраста мальчика-мужа, который по мѣрѣ сознанія всей важности проступка своей жены, ненавидѣлъ болѣе и болѣе молодую женщину, усиѣвалъ дѣлать ей тысячи непріятностей, грубилъ, говорилъ колкости и намеки на ея отношенія къ отцу; и когда, истощивъ терпѣніе, жена била его, мальчикъ въ злобномъ безсиліи клялся жестоко отомстить ей впослѣдствіи, какъ говоритъ пѣсня:

Меня бей, жена, тепере,
Покуль я маленекъ,
Но повыросту поболѣ,
Тебѣ все я вспамятую.

Послѣ этого само собой понятно, на сколько солидарна могла быть супружеская жизнь по достиженіи „малымъ мужемъ" зрѣлаго возраста, когда онъ становился неограниченнымъ „господиномъ" своей жены, которая безъ позволенія мужа не смѣла „по горницѣ пройти" и даже „вымолвить словечко" съ чужимъ человѣкомъ, но должна была всецѣло отдать себя въ рабскія услуги своему господину: предупреждать его малѣйшія желанія, угождать вкусамъ, поощрять всякое привередничество и проч. и проч. И все это достигалось не преданностію и любовью, а исключительно „шелковой плеткой—семихвосткой". Вотъ какъ въ одной пѣснѣ самодовольно хвастается этимъ чванливый мужъ:

Ужъ я сяду, я поѣду въ Китай-городъ,
Я куплю своей женѣ да все гостинца,
Что такую-то диковину да все китайку.
Ты встрѣчай-ка, встрѣчай да, жена, мужа
Со низкими со поклонами, со ласковыми словами,
Поглядите-ка вы, люди, вы, сосѣди:
Молодая-то жена да не встрѣчаетъ,
Хорошая-то жена не величаетъ.
Сяду я, поѣду въ Китай-городъ,
Я куплю своей женѣ да все гостинца,
Что такую-то диковинку шелкову плетку.
Ты встрѣчай-ка, встрѣчай да, жена, мужа
Со низкими со поклонами, со ласковыми словами,
Поглядите-ка вы, люди, вы, сосѣди:
Молодая-то жена меня встрѣчаетъ,
Хорошая-то жена да величаетъ.
Ужъ мы сойдемся близехонько,
Поклонимся низехонько,
Поцѣлуемся мирнехонько.

Ясно, что послѣдняя встрѣча выходитъ ласковой отъ привезеннаго мужемъ гостинца—„шелковой плетки“. И какая, быть можетъ, потрясающая драма предшествовала при встрѣчѣ этому—„поклонимся низехонько, поцѣлуемся мирнехонько“!

Но далеко не одно снохачество вынуждало мужа въ зрѣломъ возрастѣ деспотически обходиться со своей женой, хотя этотъ гнусный по-

рокъ и игралъ значительную роль въ патріархальной семьѣ.

Послѣдняя уже въ самомъ своемъ существованіи имѣла въ себѣ всѣ задатки для взаимной ненависти ея членовъ. Грубая почти неограниченная власть главы ежеминутно тяготѣла надъ семействомъ и раздѣляла его на двѣ враждебныя стороны—любимцевъ и нелюбимцевъ. Первымъ жилось всегда вольготнѣй: имъ допускалось потворство въ баловствѣ, гульбѣ, лѣни и незаслуженнымъ нарядамъ; вторымъ ничего подобнаго не полагалось, но требовались съ нихъ неусыпность и прилежаніе въ работѣ. Кто же были эти любимцы и нелюбимцы домовладыки? Любимцы были тѣ, которые ближе другихъ подходили подъ жизненный идеалъ главы семейства, а нелюбимцы—далекіе отъ его идеала. Идеалъ же каждаго человѣка, по моему мнѣнію, опредѣляется степенью его познанія, которая, какъ извѣстно, зависитъ отъ унаслѣдованныхъ способностей, отъ воспитавшей и окружающей его среды. Среда же патріархальной семьи существовала двумя наиглавнѣйшими идеалами: идеаломъ домостроя и идеаломъ матеріальнаго благосостоянія. Этимъ двумъ всесильнымъ кумирамъ, двумъ неумолимымъ божествамъ, все остальное приносилось (какъ и нынѣ нерѣдко приносится) въ жертву. Но такъ какъ одному человѣку нельзя

въ одно и то же время служить двумъ идеаламъ —богу и мамонѣ, то и не могло быть ни одного домовладыки, равномѣрно жертвующаго собою тому и другому идеалу; у каждаго человѣка былъ и есть одинъ идеалъ, который и является его (той или другой) силою жизни. Этою силою жизни или силою идеала могла быть или сила домостроевскаго идеала, или сила идеала мамоны —(относительнаго) богатства. Тотъ или другой идеалъ могъ быть на столько же разнообразенъ, на сколько разнообразны были самые типы домовладыкъ—то болѣе совершенные, то болѣе безобразные. Чѣмъ большимъ общечеловѣческимъ познаніемъ обладаетъ человѣкъ, тѣмъ совершеннѣй и самый его идеалъ. Но такъ какъ въ этой темной, невѣжественной семьѣ ничего не могло быть общечеловѣческаго, за исключеніемъ познанія общеживотнаго, то въ ней, строго говоря, не могло быть ни одного главы семейства, заслуживающаго названія „человѣка". Такимъ образомъ, глава патріархальнаго семейства, будучи далеко не совершеннымъ человѣкомъ, требовалъ и отъ всѣхъ членовъ семьи такого же отношенія. И тѣ, которые совершеннѣй другихъ выполняли его требованія и угождали ему, были его любимцы, которые и являлись въ большинствѣ случаевъ наслѣдниками большаго имущества и оставались въ отцовскихъ хоромахъ; нелюбимцы же отдѣлялись и обыкновенно сами устраивали

себѣ дома и обзаводились своими хозяйствами. Оттого глава семейства и его любимые члены семьи привыкали смотрѣть на нелюбимцевъ какъ на будущихъ отдѣльныхъ домохозяевъ; они были уже то, что называется „отрѣзанный ломоть“; Это былъ, такъ же, какъ и нынѣ, порядокъ вещей, созданный и освященный ходомъ самой жизни, коему неуклонно слѣдовала (какъ и нынѣ слѣдуетъ) такъ называемая необходимость практической жизни. Въ теоріи же предполагалось другое: жить вмѣстѣ, „союзнѣй“, при полномъ согласіи увеличивать семейное благосостояніе. Раздѣлъ же, если и имѣлся въ виду, то не какъ неизбѣжное явленіе, но какъ дѣло вполнѣ устранимое. Но, казалось, какъ ни легко было для главы семейства устранить семейный раздѣлъ, послѣдній всегда былъ неизбѣженъ, ибо самъ же домовладыка, хотя часто и безсознательно, являлся одной изъ главныхъ причинъ этого раздѣла. Однако, въ большинствѣ случаевъ у строгаго отца „союзъ“, хотя и наружный, еще держался въ семьѣ, но со смертію его распадался тотчасъ же: сѣмена, посѣваемыя домовладыкой при жизни, не замедляли приносить соотвѣтствующія плоды. Обоюдная вражда членовъ, взаимное недовѣріе, желаніе каждаго первенствовать въ семьѣ, дѣлать все на свой ладъ, обида нелюбимцевъ за предпочтеніе отца любимцамъ и стремленіе каждаго члена семьи къ выраженію

собственнаго идеала,—вотъ главныя сѣмена семейнаго деспотизма.

Вотъ почему, если молодая невѣстка-жена въ чемъ либо отступала отъ общепринятыхъ правилъ въ семьѣ свекра и мужа, если она осмѣливалась разсуждать, высказывать свое мнѣніе и вообще стараться упорядочить семейный строй или, напротивъ, расшатать его,—такъ щедро сыпались на нее преслѣдованія со стороны коренныхъ членовъ семьи, часто отличавшихся крайней нетерпимостью и феноменальной грубостью въ нравахъ. Въ особенности всѣмъ этимъ отличался глава семейства, считавшій священной обязанностію слѣдить вообще за поведеніемъ всего семейства и въ частности за молодой женщиной, пришелицей въ семьѣ. Отъ невѣстки строго требовалось имъ полное рабство: безгласность, послушаніе во всемъ, даже въ самыхъ нелѣпыхъ желаніяхъ ея „господина“, точность, аккуратность и ежеминутная готовность „кинуться въ огонь и въ воду“. И если невѣстка, выведенная изъ терпѣнія придирками свекра, ворчала иногда объ этомъ мужу и при всѣхъ заявляла свое неудовольствіе, то подвергалась побоямъ и истязаніямъ, чтобы впредь „не попрыскивала“, т. е. никогда не ворчала вслухъ и никому не грубила, а цѣловала бы руки и ноги своего „господина“ даже въ то время, когда

послѣдній по отношенію къ ней исполнялъ обязанности палача! Недаромъ поется:

Похожу я по саду,
Припаду къ терему.
Что во этомъ терему
Не добро же говорятъ,
Да не очень хорошо:
Отецъ сына бранитъ,
Сноху бити велитъ:
Ты бей, мужъ, жену,
Поучи молоду,
Чтобы смолоду жена
Не попрыскивала,
Подъ старость же мужа
Не брезговала...

Худо-ли, хорошо-ли было житье-бытье молодой женщины въ семьѣ мужа, она должна была все выносить и все терпѣть; жаловаться она никому не могла да и не смѣла, иначе навсегда потеряла бы репутацію честной женщины и жены семьянина, а на это мало могло быть способныхъ женщинъ. И она выносила и терпѣла всѣ свои страданія, какъ выноситъ и терпитъ отчасти ихъ и въ настоящее время, хотя, конечно, оно представляетъ собою, въ виду смягченія нравовъ, далеко не то, что прежде.

Гавр. Комаровскихъ.

Вятка. Губернская Типографія.